

A full-page background image of an astronaut in a white space suit floating in space. The astronaut's helmet is reflective, showing a golden glow. The suit has an American flag patch on the right shoulder and various equipment on the chest. The Earth's blue and white clouds are visible in the background.

Федор Метлицкий

**Федор
Метлицкий.
Унесенный,
повесть**

18+

Федор Метлицкий

Федор Метлицкий.

Унесенный, повесть

<https://litres.ru/59940992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космический турист-2, выйдя в скафандре в открытый космос, неожиданно для себя отсоединяет спасательный фал и улетает в космос. Зачем я это сделал? с ужасом думает он. И вспоминает свою земную жизнь. Что это было? После запрета его организации, которой он отдал жизнь, а потом смерти сына, жены, он ищет потерянный смысл своей жизни и оправдание своего побега от Земли, чтобы спокойно, без отчаяния подготовиться к расставанию со всем, что любил. В этой книге был использован звуковой дневник мыслеоткровений Туриста-2, записанный на пленке в секретном отделе ранца его скафандра.

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	19
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Федор Метлицкий Федор Метлицкий. Унесенный, повесть

*У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.*

*Что нам
потерять
часок-другой?*

В. Маяковский

1

Все, до чего дошла мысль человека – это сотворение мира путем Большого Взрыва. Да и эта догадка, может быть, сомнительная.

В сингулярной точке все было слито в единство. И вдруг все взорвалось, разделились все энергии взаимодействия. И через бесчисленные модификации веществ материи у рожденного человека появилось сознание, открывшее в энергии тягу к сохранению и продлению, тоску по единству, слиянию. Отсюда родились верования, религии и романтика.

Или наоборот: вначале было сингулярное экзистенциальное одиночество. И вдруг невыносимо тесная клетка взорвалась, и все распахнулось, дух вышел на свободу. И человек возжаждал свободы.

А еще хуже: в сингулярной точке стало невыносимо от тесноты, и во взрыве было такое пекло в миллиарды градусов, и такая электрическая текучесть разделенных частиц, еще не объединившихся в атомы, что о единстве, одиночестве или свободе не могло быть и речи. Только случайность привела к рождению человека. Отсюда различные идеи скептицизма и пессимизма.

Так он думал, оставшись один и слушая жутковатые «вздохи» космической пустоты. Здесь уже не надо притво-

ряться или закрываться в иллюзиях.

2

Когда Гордеев согласно туристической программе выходил через шлюз в открытый космос в сопровождении инструктора, в скафандре и полном снаряжении космонавта, за открытой дверью он оступился и упал в темную бездну. В бездну безграничной свободы, какой раньше никогда не ощущал. Правда, было вязко двигать телом и руками, словно в воде.

Вдруг – не осознавая, зачем, легкомысленно отстегнул карабин спасательного фала. Завороженно оторвался от борта туристической космической станции, словно от пуповины земной колыбели, и с ужасом —метр – два – три – пять ... стал стремительно удаляться в пустоту космоса.

И сразу осознал свое страшное, непоправимое действие. Космический корабль ушел вперед и, где-то читал, он встретится с кораблем через 2400 витков вокруг Земли.

В скафандре был реактивный ранец “Safer”, чтобы предотвратить вращение, но не было ручного управления для возврата на станцию.

Он улетал в черную бесконечность, нечувствительно с огромной скоростью, предчувствуя, что теперь будет вечно болтаться среди нереально далеких безнадежно светящихся созвездий и туманов и отдельно немигающих звездочек,

непригодных для жизни. Где, как утверждают космологи, полыхает пламя ядерных взрывов. Откуда нет возврата.

Где-то там, в поблескивающем космическом корабле командир Марков всматривался в панель центрального пульта управления, сплошь в прямоугольниках светящихся огоньков и кнопок устройств, в которых ощущалась гармония.

Перед пультом – чудом инженерной мысли, широкое окно открывало черное пространство со странно немигающими звездами.

Помощник рылся в стенках обшивки, энергично перебирая провода, исследовал оснастку.

Они остановились, пораженные, услышав смятенный голос инструктора по радиомикрофону, и кинулись к приемопередатчику.

– Турист-2, турист, отзовитесь! – ошарашенно запрашивал передатчик. – Отзовитесь, турист, где вы?

Но отставшего от станции с позывным «Турист-2» не слышали.

3

Гордеев не любил такие космические прогулки вместе с массой туристов, жаждущих пощекотать нервы. Он хотел выйти из своей непонятной усталости и одиночества во что-то широкое, как космос.

Это был один из обычных туристических космических полетов на высокой орбите вокруг Земли, который описан многими авторами и перестал волновать. Рутинный полет, как на пассажирском пароходе вниз по Волге или Дунаю.

Туристы были почти все из общественного движения «Голос истины», приглашенные учеными Звездного городка, участниками Движения. Здесь было все для удобства космического туризма: кухня, медпункт, сауна, склады для провианта и технического инвентаря, оранжерея, зона отдыха с тренажерами для занятий спортом, библиотекой, спальными местами и принадлежностями для туалета. Впрочем, все это описано в книгах.

Пассажиры в зоне отдыха, держась условно окрашенного пола и колыхаясь при движении, разглядывали в иллюминаторы сияющую планету Земля, и черноту космоса в россыпи неподвижных звезд.

*Это правда? Космический гул из глубин
Весь громадно чуток и осторожен.
Что мы ищем – какой небывалой судьбы?
Чем взволнован я, в космосе не отгорожен?*

Космический турист Михеев по инерции стучался боками о какие-то перегородки, жалуясь, что у него нарушена биомеханика, больше, чем у других. Наконец, пристегнул себя в спальном месте, повис в невесомости и, тихо пйсая в свой мочеприемник, впервые ощутил свое незначительное прошлое перед этим величием бездны. Не совершил ничего стоящего. Вспоминал споры здесь, на станции, с Гордеевым.

Тот говорил ему:

– Виноваты всегда те, кто признает нравственный закон. Ты не виноват ни в чем, потому что у тебя нет нравственного закона.

Лева Ильин, друг, добавил:

– И не знает, зачем это – думать.

Михеев не понимал. В приятелях, как обычно, скрытое презрение, хотя не хотят показывать вида.

– При чем тут это?

– Ты радуешься, что не ты, а другие берут ношу на себя.

– Каждый должен делать свое дело. Мне никто не помогает, а мне зачем помогать кому-то?

Он с неудовольствием представил у себя внутри холодную лягушку равнодушия к чужим судьбам.

Гордеев продолжал дразнить его.

– Интересно посмотреть, как ты будешь умирать. Упрешься в одиночество, как в стену.

– Даже не женился из боязни, – вторил Лева.

– Если умру, не будет иметь значения, испытал ли все, что требовал от жизни. Она не вертикальна, а параллельна, сказал кто-то, – ее невозможно накапливать.

– Хуже, что ничего не накопишь.

Михеев привычно переключился на свой фирменный шутовской тон, когда его задевали, или нечем было крыть.

– Вот, вы накопили больше, а какой смысл?

– Может, и нет, но есть какое-то успокоение.

Гордееву расхотелось высказывать мысль о странном успокоении в его душе, когда видит земной мир не из скучного быта, механически фотографирующего окружающее, а панорамой множества иных измерений.

Турист из Америки по имени Алекс, журналист, удивлялся:

– What are you talking about? У American peoples нет в голове таких разговоров. Ваши мозги слишком далеко ушли от грубой reality.

Он выглядит экранном героем старых американских фильмов, ровно загорелый, с фирменной прической, словно выкован на спортивных снарядах, выполоскан и обсосан в фитнес-клубе. Обтесавшись в русской среде, он давно перестал считать этих славян грубыми, искореженными рабо-

той на природе во всякую погоду. И находил что-то общее в несопоставимых корнях природы их двух народов.

Кто-то из обитателей станции, морщась, стал отгонять от носа пузырьки капелек.

– Фу, это же моча! Кто нарушил инструкцию?

Все глянули на Михеева. Тот засуетился. Лева Ильин деловито сказал:

– Он перемудрил что-то во всасывающем вентиляторе мочеприемника. Вот и выпустил фейерверк брызг.

– А что тут такого? – хотел сгладить Михеев.

– Да ничего особенного. Вкус собственной мочи не так противен, как для других.

Гордеев и его друг Лева знали Михеева как облупленно-го, он был постоянным спутником еще со времен создания их трудного и горького детища – общественного движения «Голос истины». Скорее, мальчиком для битья – над ним постоянно подшучивали, он всегда вляпывался в нелепые ситуации.

– Это самый грандиозный нелепый поступок нашего друга Михеева! – торжественно сказал Гордеев. – Посреди всего мироздания.

Он почему-то привязался к нему, привык, что ли?

Туристы спорили, совсем забывая об их положении, как будто находились в прежней оболочке земного мира.

Одни и те же разговоры, – думал Гордеев. Все, что устоя-

лось в сознании людей веками, серьезное – здесь показалось ему каким-то эпизодом ослепления человечества самим собой. Общественная суета – это общий обман. Он устал от суеты, от однообразной бесконечности бессмысленного пути. Как только исчезает время – исчезает и судьба. У него исчезло время в ощущении грандиозности космоса.

Внутри ощущения существования нет времени, смерти или бессмертия. Как в любом живом чувстве. Это не иллюзия, не слепота, а страх не погаснуть. Вспышка исцеления, бессмертия – из человеческой реальности.

Чувства, то есть древние побудительные инстинкты живого, не поддаются выражению словами. И в них сущностная лишь одна древняя истина – любовь, эмпатия, чудесным образом исцеляющая душу. Как бы ни выпендривался в словах человек, он любит инстинктом. Его может поражать что-то, но ты, вот, ему приятен и люб, и там еще кто-то ворочается, самый милый. А ты – все равно говно.

Плохое забывается, а здесь, в космосе, исчезает сразу. Цивилизации на Земле создали цветущую жизнь. И здесь, из невообразимого далека, уходящего все дальше и дальше, становится трудно различить раздоры, несчастья, – эмоциональную борьбу человеческих существ. Словно те раздоры и несчастья – лишь незаметная скучная часть мирового развития. Отсюда кажется, что сама природа изменяет планету, а не люди создают ей помехи, приносят проблемы.

Но эти мысли не помогали ему.

– О чем вы треплетесь? – оторвался Марков от возни с пультом управления. У него сиплый "орущий" голос, словно выдавливал слова криком, над которым посмеивались.

Все глянули в узкое длинное окно над пультом, в чужую бездну с немигающей звездой у края. И снова пахло бездонной загадочностью черного космоса.

*Может быть, все мы оттуда пришли?
Там, где разладом мы не были ранены,
И было открыто величье причин.*

Туристы устали и замолчали. Любовались потрясающим зрелищем в иллюминаторе на закате Земли – сбросом накопленной мочи в космос, она в ледяном вакууме мгновенно испарялась и, превращаясь в лед, разметалась ледяным облаком.

Видя в иллюминаторах целиком планету, словно в бело-голубых неподвижных вихрях, они почему-то представляли не родной дом, а историю родной Земли. Призрачно, как земные облака, она плыла перед ними.

Вспоминали себя наивных, лежащих на зеленой лужайке под безмятежным небом, или закрытым клубами обла-

ков, и не приходили в голову мысли о хрупкости этой тончайшей голубой оболочке планеты. Вокруг случались события под непроницаемой, но хрупкой сферой, там люди под ней, ослепленные в борьбе между собой, сжигали на кострах недоброжелательства тех, кто пытался проникнуть за нее.

И поражались своей наивности!

Не приходило в голову, что земная оболочка возникла из краткого дыхания мириад крошечных созданий, дышащих углекислым газом и выдыхающих кислород, которые отложили многометровое дно океанов, потом вздыбившееся горами в периоды потрясений земной коры.

По сути, тот крутящийся земной шар, наклонной осью к солнцу, держится на тонких невидимых нитях солнечного тяготения, и жизнь человечества колеблется еще на нитях земного притяжения, и неведомые страшные силы могут в любую минуту оторвать и унести в космос. И оттого становится тревожно.

Сейчас им стали яснее неблагоприятные дни планеты, зависящие от расположения звезд, энергии солнца, состояния недр космоса, экстрасенсорного восприятия информации и др. Почувствовали глубинные закономерности мироздания.

Интересно, думал Гордеев, выживет ли человечество, обреченное жить в общности отдельных человечков, рассеянных по планете? Сейчас оно пока еще в своих внутренних интересах, и мы уже осознаем временность такой слепоты.

Сейчас все были потрясены. С холодком на сердце воображали состояние отставшего от спасительной станции товарища, наверно, испытывающего ужас, как перед неизбежной катастрофой у пассажира падающего самолета. На миг забыли неудобства – странное отсутствие тяготения, поднимающее вверх внутренности, и особенно головную боль – от изменения внутричерепного давления мозга, и проблемы со зрением.

Лева Ильин кинулся к посту управления, стремясь узнать что-нибудь, еще не осознавая трагедии. Это было невероятно, он не ожидал такого от всегда ироничного друга. В его груди как бы открылась рана, такого он не мог предположить, когда им вместе было весело.

В голосе туриста Михеева был невольный испуг, как будто потерял необходимого человека, хотя тот смеялся над ним.

– Ему конец?

Он вспомнил, как Гордеева снаряжали на выход в открытый космос – элемент туристической программы. Вталкивали в «дверь» просторного скафандра, такого же, в каком американские космонавты побывали на Марсе, – неуязвимого, как футбольный мяч, который могут терзать толчки, тяготение, космические лучи и еще черт знает что. Нечто герметичное и просторное, с жестким корпусом «кираса» и мягкими подвижными руками, правда, ограниченными, как будто

сгибаешь туго накаченную автомобильную камеру, как верно сказано в описаниях. Сзади ранец жизнеобеспечения, на груди электронная панель управления с пультами включения радиосвязи, подкачки кислорода, датчиком поддержки давления, терморегулирования и выброса отходов.

– Туда бы еще бабу! – хихикнул Михеев. – Тогда можно жить!

Кто-то прыснул.

– А если будет чесаться нос?

Космонавт, работник станции, серьезно сказал:

– Перед лицом встроены чесалки. Это «вальсальва» – маленькая подушечка с двумя бугорками, упираешься, и можно чесать нос. Можно продуть и уши, когда меняется давление.

– А если будет давление на мозг? Голова заболит.

– А для этого есть вот эти штаны. Действуют как прибор для регулирования давления.

– Штаны его и спасут! – ерничал Михеев.

Кто-то встревоженно спросил:

– А вдруг улетит?

– Для этого есть спасательный фал и страховочные тросики, они крепкие. Вот если отцепить – ничто не поможет. В туристических скафандрах нет реактивных систем спасения – сопел, регулирующих возврат на станцию.

– Подождите! – сердито заорал командир корабля Марков. Его волевое лицо застыло в стоической растерянности, вызывая у туристов еще большую тревогу.

– Скафандр обладает долговременной автономной энергией, хватит на несколько дней. Будем думать, как помочь.

Но все знали, что помочь невозможно.

Михеев ужасался, и тихо радовался, что это не с ним. «Есть люди как бы завершенные, с непробиваемым оптимизмом», – злобно думал Лева, он все еще находился в тяжком недоумении. И видел его противное птичье лицо, похожее на распаренное, ушедшее в себя эгоистическое выражение лица утирающегося после парной.

Михеев не мог представить, как это – улететь без возврата. Сейчас он радостно торкался во все углы, ощущая радость от их надежности.

Американский турист Алекс тоже стал мрачным.

– We all take risks, like our astronauts who almost died on. Все мы рискуем, как наши космонавты, которые почти погибли на Марсе.

Михеев вдруг обозлился:

– Не было американцев на Марсе! Где их следы, их флаг? Ау! Нет их. Это выдумали в Голливуде с помощью спецэффектов.

Немного успокоившись, Гордеев холодно ужаснулся. Зачем невольно отстегнул спасательный фал: из инстинктивного желания освобождения, сбежал от постоянной замкнутости в стенах существования?

Странно, здесь, в черной бесконечности, он перестал чувствовать себя одиноким в россыпи звезд и туманностей. Был всецело свободным – никаких ограничений. Свободен от любви и от плакатов! Все, что ограничивало, вызывая страдание, исчезло. Сейчас, в недостижимости от страдания, кажется, могу летать, ныряя в звездной пыли, или вздымаясь над ней и падая вниз, в любую сторону без визы. Тем более, что родных нет, а попутчики – «пускай они поплачут, им ничего не значит». Он представил наивную радость попутчиков, что это не они улетели в бездну.

Здесь уже не надо притворяться или закрываться в иллюзиях. И вся горечь судьбы растворяется в этом новом измерении, где, наконец, успокоен.

– Почему я не мог полюбить по-настоящему свое окружение?

И не стал нажимать кнопку приемопередатчика, все равно невозможно повернуть назад.

Может быть, не мог жить там, на Земле, потому что устал от неудач? Или одиночества среди людей, ослепших в своих интересах? В каждой стране планеты население занято своей реальностью – проживает жизнь внутри разных степеней обеспеченности, стремясь к успеху, каждый по-своему. Кто хочет денег и длинного автомобиля, трехэтажного дома с несколькими ваннами, курильной, бильярдной, с лужайкой и бассейном; кто силится обеспечить семью самым необходимым... А страны, те до сих пор дерутся за жирные куски чужой земли, оттяпывая частями, или вождедеют рынки сбыта, уже освоенные другими.

И всем вливается в головы один и тот же объем информации, и каждый отбирает свое, не ведая, что другой вливает в себя те же самые шаблоны мысли, усилием ли воли в жажде понять смысл, или без усилия подбирая то, что случайно залетает в голову, и в голове оседают лишь слухи.

А те, кто взобрался на вершину успеха, не могут отказаться от своего интуитивного превосходства, как начальник поневоле ощущает себя выше своих суесящихся подчиненных, когда он входит в свой кабинет (Гордеев давно отрезвел, ему уже этого не было нужно). Хотя иногда могут увидеть себя трезво, обнажаясь догола, стать самими собой, обычными людьми. Впрочем, не все ли равно, глупы они или умны, при взгляде из космоса.

Сейчас его перестали волновать недоброжелатели – стал

смотреть на бывших соперников, уже отболев, с удивлением, как на древнего египтянина, пьяницу и соблазнителя, кравшего вещи из пирамиды фараона, о суде над которым рассказано в древнем свитке.

Мир в сознании ячеист, в каждой ячейке свои глупости и иллюзии самосохранения, ибо никто не видит себя со стороны. Все проблемы сливаются в одну: добиться благополучия и, не дай бог, не умереть.

Здесь, в космосе, те эмоциональные пристрастия удаляются в прошлое, и каждая реальность на Земле, на протяжении всей истории прошлого и настоящего видится в настоящем времени, и слепо кружится внутри себя, не зная, что можно посмотреть на себя со стороны.

Маленькие истории жизни туристов на космическом корабле утонули – в величии космоса. Отсюда Земля виделась отстраненным голубым шариком – в ней исчезли угнетающие мелкие вещи и делишки, значительные, когда они у собственного носа.

Для Гордеева разделение между тем прошлым и настоящим, в черной пустоте, стало таким невообразимым, как между планетой людей и экзопланетой, удаленной на несколько световых лет, о которой ничего не известно.

Он летел в безграничную близость вселенной, слыша вздохи из самого ее начала, шум реликтового излучения. Летел в невероятную новизну, что питала его с юности. Претво-

рял в актуальность то, что вечно любят люди – бесконечный полет, формулу поэзии. И становился ясным смутный замысел искусства Земли, хотя оно пока лишь стремится стать космическим. Его вдохновение – из земного, человеческого. Чудо – из человеческого.

Станислав Лем мечтал о большом искусстве, как сама Земля, земное тяготение, вылепившее человека. Как она прекрасна, и потому так трудно космонавту быть не в своей среде!

Сейчас в искусстве все еще сохранилось сочувствие к нищим духом Акакиям Акакиевичам. А как быть с теми, кто не желает выбираться из темноты? А с теми, кто бесцеремонно вторгается в личное пространство других людей?

Он усмехнулся: какими пустяками я занят в моем положении?

Так вот какая она: безграничность! Если бы только не этот надрыв пустой бесконечности, откуда уже не вернуться назад!

И потянуло на поэзию. Стал сочинять стихотворение, оно получалось каким-то злоецим.

*Как это страшно – не на Земле
Жить, о ее угрозах не зная, —*

*И вдалеке не ведать о зле,
Далью его миражи развеивая.
Что же дальше? В иное прорыв?
Вакуум, холод – среда обитанья?
Там, в невесомости, страшны дары,
Необратимость в земные страданья.
Легкие – крыльев моих пузыри,
Хрупкие кости и тонкие ноги.
Где-то на дне атмосферы Земли
Предки остались в начале дороги.
Как земноводные, стали чужды,
Нет, и не вспомнится близость былая.
Только лишь в памяти – прежняя жизнь,
И теплота, что нас вместе сбивала.*

Он казался себе неподвижным, хотя летел со скоростью сорок тысяч километров в секунду, топорщась, мнилось ему, ногами в бездну, и странно, мозг обманывал, давая ощущение комфортности. Былая жизнь лежала перед ним, как на ладони, виделась компактной и цельной, так, что в сознании вместилась вся целиком.

Есть разные возможности узнавать события. Есть сообщения в картинках, в эмоциях и метафорах, хотя метафоры хромают. Или в разнообразной информации виртуальными средствами. Но есть такая врожденность лица в структуру космоса, когда теряется смысл языка, образа, биографии.

Что-то подобное возникало в его мозгу.

Что могу сказать, что и зачем было в моей жизни? Только сверканье живого ранимого потока? А в старении – тяжкое перетаскивание потухающего огня из года в год? Биографию ли сочиняю в уме? Все это бессмысленно.

К чему я пришел? Абсурд ли – жизнь на дне земного притяжения, или есть нечто, ради чего можно жить? Или это иллюзия неисправимой романтической натуры? Человек бессознательно живет в своем безмятежном лоне детства, а потом тело его может передвигаться по всему земному миру, а дух – летает дальше самых краев мыслимого пояса Койпера. Жизнь состоит из острой победительной силы молодости, легко выплескивающей энергию до полного напряжения жил, и постепенного перехода в податливое бессилие равнодушия – будь, что будет! Вспоминаю все отрадное или горькое, что со мной было.

Слепое от солнца детство на краю земли, отец и мать – потомки бывших ссыльных интеллигентов. Вдоль залива разлился созвездием огней приморский город, давно переставший быть провинцией. Везде следы воплощения грандиозных проектов недавнего времени – международного значе-

ния пристань, грохочущая кранами, судостроительный завод, огромный мост через залив... Но странно, здесь жили люди со своими бытовыми интересами, им было не до глобальных событий.

Суматоха строительства с крупными издержками, недостатками и коррупцией, не затронула его, была естественным фоном. У него было странное восприятие мира, как при виде ослепительного океана с обрыва, куда часто бегал. Был погружен, как в сладкий сироп, в величавую грусть, словно самого мироздания. Постоянная эйфория, что-то смутное и слепое, не основанное на опыте. Как у резвого теленка, не способного осознать мир.

В детстве хотел обнять всех, даже физически переживая "чувство безграничной близости и доверия к миру" (из дневника). Была ли это иллюзия романтика 90-х прошлого века, живущая в генах счастливым плачем от крушения тиранического режима и рождения новой неслыханно свободной жизни, или полыханием надежд предков после революции 1917 года? Или это оборотная сторона младенческого эгоистического требования, чтобы все меня любили?

Откуда в нем жила неслыханная гордыня юности? Вот эпиграф его первого дневника, из Лермонтова: "Я каждый день / Бессмертным сделать бы желал, как тень / Великого героя, и понять, / Я не могу, что значит отдыхать". И при этом бездельничал, не зная, как действовать.

Хотел сделать что-то, чтобы все заинтересовались. Верил,

что его будущие дела войдут, как кирпичик, в грандиозное мироздание будущего, и сомневался. Чем могу быть полезным другим людям, и даже себе, а не какому-то обществу?

Даже не знал толком, что такое народ, государство. Некое глубинное сакральное нечто? Структура власти, иерархия граждан государства? Скопления людей, в чем-то однотипных, и в то же время взброд? Или в них таится путь в нечто божественное, к чему стремится вся вселенная? Во всяком случае, именно это казалось смыслом, который поддерживал его всю жизнь.

Он хотел прославиться, еще не понимая, в чем отличие людей известных от неизвестных, кроме того, что их именами треплют в ТВ и блогах, и они такие же, как все – готовы на харрасмент, ревнивы к взглядам прохожих: узнают ли? Чехов недолюбливал людей своего времени, Набоков плохо отзывался практически обо всех писателях. Дело в том, что каждый человек – яркая индивидуальность, со своими скелетами в шкафу, и тот, кто ее в себе остро чувствует, принципиально не может быть согласным с другими.

Казалось, ему рано пришло откровение, отличающее его от тупого подростка, не знающего цели, – божественный смысл, который будет владеть его поступками и придавать силы до конца жизни.

Но неожиданно влезали грязными сапогами взрослые дяди.

– Мальчик-то странный.

– Не наш, ой, не наш!

Отец, гордящийся своей интеллигентной профессией счетовода, строго сказал:

– Не разговаривай об этом с другими, не поймут.

Он не знал, что в нем не то, да и вряд ли кто мог бы сказать. Была ли это беспмятная восторженность новорожденного, еще не узнавшего реальных катастроф, ослепленного самой вселенной, в которой нет общественных страстей? Не может быть, чтобы он сформировался из восприятия пустой глади океана. Наверно, все от генов стертой историей среды, с ее химерами в сознании, как сказал бы писатель В. Пелевин.

Мама гладила его шевелюру. «Какой ты красавчик, мой сын!» Он влюбился в одноклассницу, и робко кружил вокруг нее. Она словно не замечала, и через полгода его прятаний и подглядываний вдруг насмешливо сказала: «Слюнтяй!» И презрительно отвернулась. Наверно, он был начитанным филологическим мальчиком с сомнениями, а девушки покорно склоняются перед властным загорелым мачо с бычьей шеей – защитником и охотником за добычей. Отчего могут поплакаться из-за его тупой самоуверенности.

Так, с самого начала осознания себя, он был напуган открывшейся опасностью жизни – чем-то неминуемым, как рок в древней трагедии «Царь Эдип» или в "Процессе" Кафки.

Может быть, это незаконность его трепетного существова-

ния, впоследствии развернувшаяся в ощущении незаконности созданной им независимой общественной организации, к которой власть относилась настороженно. Откуда та детская зажатость – от страха высунуться за стены системы, может быть, даже ощущения непреодолимости барьеров природы испуганного с рождения живого естества? Откуда лживое поведение из страха выдать себя? Наверно, не только от не дающей высовываться монотонной повседневности, это – что-то метафизическое, страх временности и смерти. Он был естественным с родными, но поскольку считал всех окружающих близкими, то попадал в нелепые ситуации.

С юности недоумением для него была отдельность людей, живущих сами в себе, и не видящих извне его страданий (об их страданиях как-то не думал). Страшно невнимание. Человек рождается весь во власти материнской близости, и недоумение от невнимания приходит, когда он отделяется от матери, от семьи. И сам теряет зависимость от других, то есть близость слабеет. Отделенность, забывание – это, наверно, результат естественного развития, как удаление звезды от своего созвездия, и страшный грех.

Ясно, что люди рождены, чтобы отвоевывать для себя пространство и пищу, чтобы не умереть. Но почему у них такая непреоборимая эмпатия, желание любить? Может быть, не только близких, но и человечество, животных, планету? Разве не благо – разделение, специализация, уход рукавов развития в отдельные ветви? Но без эмпатии не было бы ре-

лигиозной веры, синтезирующей науки, любви противоположных полов, самого развития – для достижения единства? Ничего не понятно.

Повзрослев, он по-другому увидел почерневших от солнца и работы чужих и непонятных взрослых в грязных сапогах. Перебирал фотокарточки в заброшенных в родительском сундуке альбомах в толстых коричневых обложках с выбитой затейливой вязью. На них глядели глупо наивные лица предков и их друзей, в гимнастерках и косоворотках, и на желтых от старости оборотах читал:

"Вася, во-первых, пусть эта карточка напомнит тебе о том, что у тебя (по изголовью) есть преданный друг Коля, а во-вторых, по разоблачению походов... Молчу, молчу. Емельянов".

*"Друзьями мы родились на земле
Но жизнь сдружила нас еще сильнее.
Мы с гордостью порвем преграды на себе,
Чтоб были мы еще дружнее.*

Червинский."

"Миша! Судьба нечаянно столкнула нас с тобой, но зато во время совместной службы так крепко связала нашу дружбу, что конца коей, я полагаю, не будет до дня нашей кончины жизни. Я со своей стороны тебя как одного из всех наилучших товарищей и друзей, которых имел в жизни, не забуду никогда, не забывай и ты меня. Я, оставляя тебя, всегда буду иметь тебя в душе. Ташкент, Скародум".

"Друзьями мы сошлись с первых встреч в рабфаковских коридорах, друзьями и расстаемся. Очень рад, что это сбылось и не забуду долго я, где ни буду, буду всегда кричать тебе здорово, Ашнаиды, и буду жать твою правую руку. Приходько".

"На память другу – сослуживцу по Красной армии Михаилу Трофимовичу Фролову.

Вашу я просьбу исполняю

Ваше желание я пишу

Успеха, счастья желаю

Не забывать меня прошу".

"Коля! Помни и не забывай, что жизнь только тогда хороша – когда мы пьем ее полными кубками. Червяков".

"Оце як ты захочишь подивиться на цю мордоние, на цом мордониеі побачишь мене бо я тут е. Передык".

"Сожалею, что ты меня до сих пор не понял, что я есть за человек. Коля Ермолаев".

И еще, и еще пожелтевшие фотокарточки, порванные с боков.

Человек по природе добр! Они оказались не такими страшными дядьками, кого он встречал в реальности и представлял по книгам о жестокости революций и войн, – внушительными и чужими, кроме, конечно, родителей, совсем своих и не имеющих ничего необычного. В них оказалась наивная притягательность и нежность, несовместимая со страш-

ным временем войн и голодной жизни. Что это означает? – думал он привычным вневременным сознанием юнца. – Древнее, сущностное доверие между членами племени? Фон человеческой истории? Мистическое чувствование живого, возникшего, вероятно, из глубин космоса?

Вроде бы, он нашел смысл всей жизни, но все время продолжал искать – что? Поглощал книги в большой отцовской библиотеке и поверял чужими смыслами, раздумывая в дневнике, – мучился еще какими-то уточнениями. С упоением прочитал логотерапевта и экзистенциального психоаналитика Виктора Франкла, пережившего Освенцим: Главное – сделать жизнь осмысленной. Ценности не зависят от меня, а значит и высший смысл вне меня, как верующие видят смысл в Боге. Только высший смысл для каждого конкретный, его ищет каждый индивидуально, для себя. Выстоять в концлагере Франклу помогла любовь к матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.